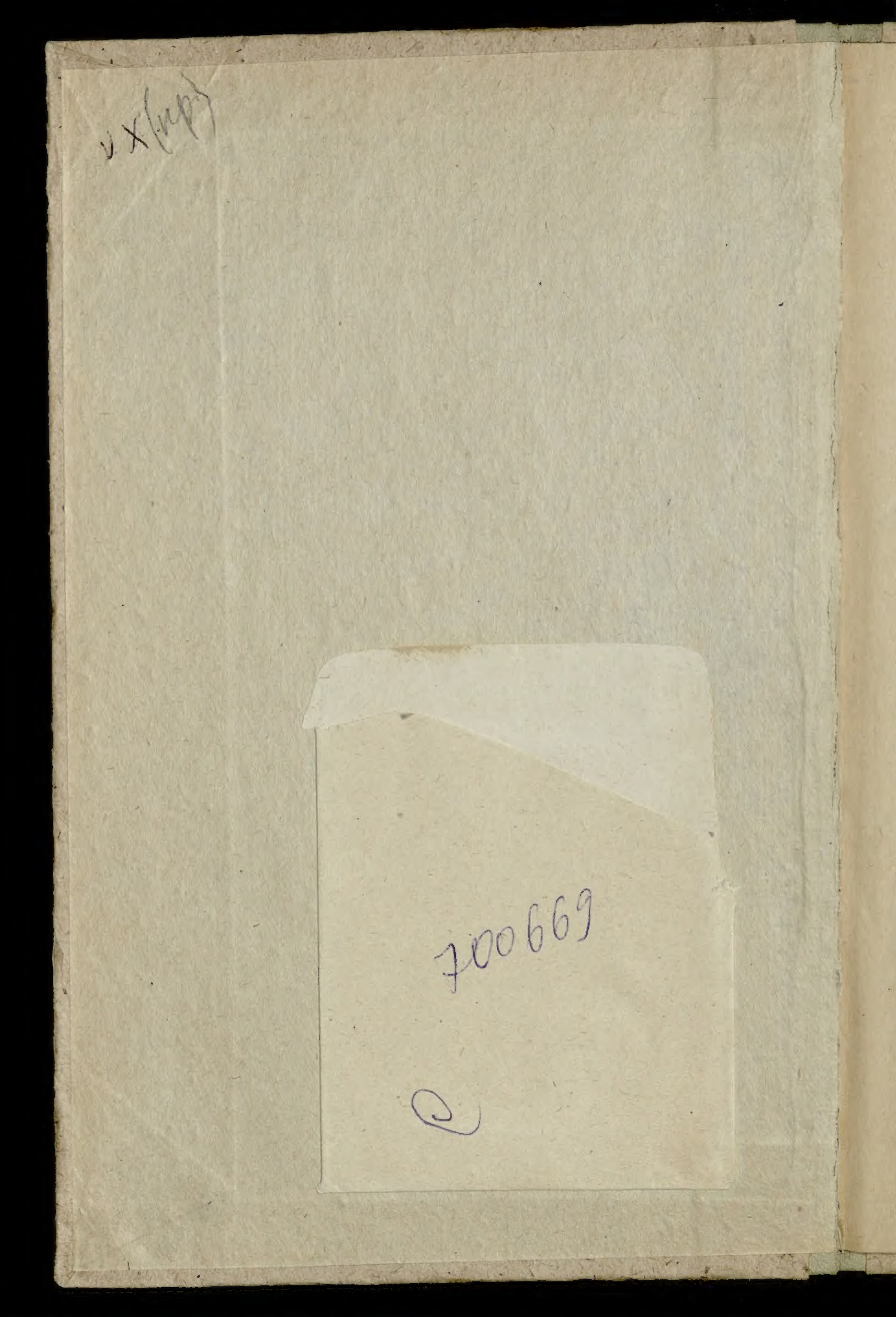
Басов Д.

Орловская старина

Северное обозрение
1849 т. II

700669

ОРЛОВСКАЯ СТАРИНА.

=

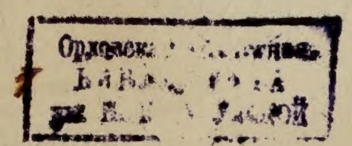
ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ТАМОШНЯГО СТАРОЖИЛА.

=

Сколько есть на Руси охотниковъ, что-нибудь написать и «тисненію предать», это всего лучше извѣстно журналистамъ, имѣющимъ счастіе перечитывать и, увы! какъ часто напрасно перечитывать кипы исписанной бумаги. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эта страсть политераторствовать, свирѣпствовала въ особенности въ видѣ стихотворной эпидеміи; нынѣ все сознающіе въ себѣ литературное призваніе хотятъ быть романистами и писать повѣсти. А сколько изъ всей массы «первыхъ опытовъ» выходитъ хорошаго, о томъ свидѣтельствуютъ печатные документы. И кромѣ этого есть еще не малое число такихъ обуреваемыхъ литературною страстишкою, которые только ощущаютъ потребность писать, но рѣшительно не знаютъ, за что̀ взяться. Имъ-то въ особенности мы, съ милостиваго ихъ позволенія, дали бы вотъ какой совѣтъ. Всѣмъ уже давно извѣстно тысячу разъ повторявшееся изрѣченіе, что мы, русскій благовоспитанный людъ, хорошо знаемъ всякія заморскія земли, съ ихъ бытомъ и исторіей, а свою родную землю, матушку Россію, знаемъ недостаточно. Сущая правда. Науковый способъ изученія древняго быта нашего отечества по памятникамъ начался еще очень недавно: памятники, матеріалы,

только-что собираются. Къ важнѣйшимъ матеріаламъ исторіи всякой разсматриваемой эпохи, безъ сомнѣнія, принадлежатъ совре[мен]ныя записки, мемоары. И чѣмъ отдаленнѣе эпоха, тѣмъ ощутительнѣе для необходимыхъ поясненій недостатокъ такихъ мемоаровъ, и тѣмъ болѣе труда для ученаго историка, — тѣмъ болѣе поводовъ сочинять гипотезы только для того, чтобы другой могъ разрушить ихъ новыми гипотезами. Чѣмъ болѣе есть современныхъ записокъ, тѣмъ больше трудъ историка облегчается и упрощается. Зачѣмъ же дожидаться, чтобы самая ближайшая къ намъ старина, за неимѣніемъ такихъ записокъ, подала будущимъ историкамъ поводъ къ «ученымъ трудамъ» и къ гипотезамъ? Вамъ хочется писать, и вы только не знаете, за что взяться? Возьмите тетрадь бумаги, подсядьте къ какому-нибудь почтенному и ученому старожилу въ томъ городѣ или городкѣ, гдѣ вы живете, попросите поразсказать о быломъ, о томъ, что онъ видѣлъ и знаетъ, словомъ, обо всемъ томъ, о чемъ такъ любятъ вспоминать старики; слушайте и записывайте, записывайте не мудрствуя лукаво, а правдиво, слово въ слово, какъ услышите, и придавайте лѣтописи только порядокъ, если будетъ нужно. Такимъ образомъ вы можете подготовить историку весьма важный матеріалъ и вообще содѣйствовать вашимъ соотечественникамъ къ изученію Россіи,—къ познанію своего отечества. Будьте увѣрены притомъ, что эта работа очень занимательна: вы сами узнаете много чрезвычайно любопытнаго. Доказательство — слѣдующая здѣсь лѣтопись одного почтеннаго орловскаго старожила, имъ самимъ писанная, въ которой вы найдете столько же занимательнаго о городѣ Орлѣ за пятьдесятъ и за тридцать лѣтъ назадъ, точно какъ будто бы дѣло шло о какомъ нибудь чужомъ краѣ свѣта или о самой отдаленной древности.

Съ благодарностью принявъ отъ почтеннаго орловскаго старожила его рукопись, мы выписываемъ изъ нея самыя любопытныя мѣста съ сохраненіемъ всего его способа выраженія, и только позволяемъ себѣ, собственно въ облегче-

ніе нашимъ читателямъ, сдѣлать нѣкоторыя грамматическія поправки въ правописаніи.

«Городъ Орелъ заложенъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, по благословенію россійскаго митрополита Макарія, отъ воплощенія Бога-Слова въ 1565 году, и продолжалъ селиться до 1602 года. А по воцареніи царя Бориса Федоровича Годунова, грѣхъ ради нашихъ, по попущенію Божію, былъ гладъ въ Россіи три лѣта. Въ то время появился въ Польскомъ королевствѣ самозванецъ по имени Гришка Отрепьевъ; назвался царевичемъ Димитріемъ и обольстилъ короля и вельможъ польскихъ, такъ-что повѣрили ему и дали войско. По вступленіи Отрепьева въ Россію съ войскомъ, многіе города пристали къ нему. Собралась рать великая. Услышалъ царь Борисъ Федоровичъ, что Гришка Отрепьевъ идетъ на Россію, и послалъ царь войско на встрѣчу самозванцу, а войско встрѣтило его подъ Брянскомъ, и вмѣсто отпору признало самозванца за царевича и цѣловало ему крестъ. Изъ города Брянска онъ разстрига писалъ указы въ Москву, и въ Тулу, и въ Рязань, и въ Калугу и въ Орловское городище. Москва, Тула, Рязань и Калуга его Отрепьева признали за царевича и цѣловали крестъ, а Орловское городище не признало, потому-что здѣсь былъ воеводою царской братъ Иванъ Федоровичъ Годуновъ. За это послѣ Гришка Отрепьевъ первѣйшихъ гражданъ орловскихъ казнилъ, а прочихъ разослалъ въ разные города. Это было въ 1602 году. По убіеніи Гришки Отрепьева въ 1607 году, появился второй самозванецъ, Петрушка Болотниковъ, который собралъ шайку бродягъ, и многіе бояре къ нему приложились. Болотниковъ пришелъ къ Орлу и сталъ въ немъ собирать войско, и отселѣ посылалъ указы въ разные русскія города, а послѣ перешелъ въ Калугу, гдѣ и былъ убитъ. Тогда служившіе ему крымскіе и ногайскіе Татары всѣ разбѣжались и многіе города, подвластные самозванцу, выжгли. Тутъ же и Орелъ весь до основанія выжженъ.

«Въ 1612 году, по воцареніи Михаила Федоровича, на-

чали выгонять изъ Россіи Поляковъ. Тогда Поляки собрались около города Орла, по рѣкѣ Орлику, на Царевомъ Бродѣ и стояли тутъ до прибытія боярина Пожарскаго и гражданина Минина, которые и погнали ихъ изъ Россіи. А по изгнаніи Поляковъ, повелѣніемъ благочестиваго царя Михаила Федоровича и по благословенію отца его Филарета, патріарха московскаго, ради убіенныхъ православныхъ воиновъ построена деревянная церковь во имя Введенія Божіей Матери.

«Въ 1709 году, когда черезъ Орелъ ѣхалъ Государь Петръ Великій на преславное полтавское сраженіе, въ городѣ Орлѣ было всего очень мало домовъ, а стояли они лицомъ къ рѣкѣ Орлику. Гдѣ теперь церковь Богоявленія, тутъ были у нихъ огороды; гдѣ стоялъ старый городъ, а теперь первая часть, тутъ видны были развалины; а гдѣ теперь мужской и отрочь монастырь, тутъ былъ большой дубовой лѣсъ. Гдѣ теперь нижняя мельница на рѣкѣ Орликѣ, тутъ была церковь и присутственное мѣсто. Послѣ церковь сломана и перенесена за рѣку, на гору, гдѣ и теперь стоитъ. Гдѣ теперь церковь святаго великомученика Никиты, тамъ прежде былъ лѣсъ; а гдѣ Новосильская улица, отъ рѣки Оки по лѣвую руку, тамъ стоялъ глаголь, на которомъ вѣшали людей за нехорошія дѣла; а нижняя улица вся была въ болотѣ и лѣсѣ, гдѣ водились дикіе гуси и утки....* Словомъ сказать, старой городъ имѣлъ свои границы въ первой части, гдѣ верхняя мельница, такъ-что церковь Михаила Архангела приходилась на краю города, а между городомъ и Пушкарскою слободой было поле. Эта слобода была выслана изъ Москвы при императорѣ Петрѣ-Первомъ, а были это прежде бунтовщики пушкари изъ старова нерегулярнаго войска. И Стрѣлецкая слобода была населена съ пушкарями въ одно вре-

* Слѣдуютъ дальнѣйшія указанія, гдѣ что было и стояло на мѣстахъ нынѣшнихъ зданій и улицъ, указанія, къ сожалѣнію, слишкомъ сбивчивыя.

ма и находилась въ смѣжности съ самымъ старымъ городомъ, а по разведеніи города по плану, перенесена, гдѣ теперь находится. Гдѣ теперь церковь святаго Калиты, тутъ былъ лѣсъ. Возлѣ лѣсу стоялъ старый убогой домъ (до 1821 года), гдѣ въ зимнее время клали бѣдныхъ мертвыхъ, утопшихъ и замерзшихъ, а по прошествіи зимы, послѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, на Ѳоминой недѣлѣ во вторникъ, торжественно погребали ихъ. Къ этому дню народъ сходился изъ города и изъ разныхъ деревень и составляли ярмарку.... А гдѣ теперь присутственныя мѣста, тамъ монастырскіе крестьяне хлѣбъ сѣяли.

«До 1820 года были по улицамъ канавы для стоку воды, отступя отъ строенія на сажень; а мостовая была деревянная только посередкѣ. Особливо, когда городъ еще не былъ по плану разведенъ, улицы были узкія, такія что едва только могли встрѣчныя двѣ телеги разъѣхаться. Домовъ хорошихъ купеческихъ или мѣщанскихъ отнюдь не было, кромѣ господскихъ.

«До 1800 во всемъ городѣ Орлѣ былъ только одинъ трахтиръ подъ названіемъ Теленковъ. Находился онъ въ третьей части, насупротивъ церкви святаго Георгія, и была одна во всемъ Орлѣ табашная лавка; находилась въ рыбныхъ рядахъ, подъ домомъ купца Якова Ермакова, на самомъ углу. Народъ такъ не терпѣлъ табашниковъ, что отцы гнушались дѣтей, дѣти отцовъ, — которые отцы нюхали табакъ, — и жены мужей. А женщины въ то время не нюхали. Даже, бывало, когда кто начинаетъ нюхать табакъ, то его изъ семейства выгоняли, не пили съ нимъ и не ѣли, а все отвращеніе имѣли какъ отъ собаки.

«Еще была пѣвчая (?), гдѣ нынѣ городской деревянный питейный домъ. Въ 1805 или 1806 привезли въ эту пѣвчую органъ, а какъ жители такого органа отроду не слыхивали, то съ недѣлю толпилися около пѣвчей, и было столько народу, что по улицѣ ни пройти ни проѣхать было нельзя.

«Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, орловскій купецъ Иванъ

Афанасьевичъ Давыдовъ въ первый разъ привезъ самоваръ и поставилъ на окошкѣ, и народъ съ недѣлю толпился около его двора; всѣ дивились, что самъ грѣется. А прежде этого были въ употребленіи черные мѣдные чайники, и въ тѣ поры мало пивали чаю; больше въ употребленіи былъ малиновый. А кто хаживалъ въ трахтиръ, былъ въ великомъ осужденіи. Такъ ежели случится молодому человѣку холостому зайтить въ трахтиръ и послѣ вздумаетъ жениться, то какъ скоро узнаютъ, что онъ былъ въ трахтирѣ, то не отдадутъ ни зачто ни какой дѣвки; только говорятъ: «Охъ, матушка, онъ трахтирщикъ; у трактире былъ»!.

«До 1800 года господа дворяне носили мундиры длинные шляпы косыя; головы были съ пудрою и косы назади; сапоги большіе, выше колѣнъ, а штаны по-большей части желтыя лосиныя. Въ рукахъ имѣли трости. Барыни были въ чепчикахъ; платье по-большей части бѣлое; хвостъ длинный, аршина въ три, который несла за барыней дѣвка; въ жаркое время у барынь были въ рукахъ, махалы. Гребешковъ головныхъ въ-тѣ-поры мало было въ употребленія и шляпокъ не было.

«Купечество и мѣщанство первостепенныя носили шляпы поярчатыя, обшитыя бахрочкой, а крылья большія; зимою треушокъ небольшой; были и бобровыя; въ лѣтнее время кафтанчики съ валиками, подпоясанныя, а сверху свита хорошая; сапоги большіе. Зимою въ полушубкахъ съ серебряными пуговками, а сверху шуба лисья и коньки на ногахъ.

«А молодцы щеголяли — волосы большіе лежали по плечамъ; шляпа поярчатая, — колпакъ высокій, а крылья большія, почти четыре вершка, и опушенная бахромкою, а внизу на колпакѣ бархатка, шириною въ вершокъ, съ пряжкой, а у самова щеголя — двѣ, разноцвѣтныя, яркія. Кафтанъ лучшаго сукна съ валиками позади, — всѣхъ валиковъ сорокъ восемь, — а поверхъ валиковъ подпояска хорошаго шелку, со складкою, шириною въ четверть и

больше. Сапоги козловыя со скрыпомъ; каблуки строченые бѣлою бумагой, а носы въ сапогахъ длинные, вострые. Перчатки носили бѣлыя витяныя. А хаживали, особливо на Свѣтлое Воскресенье, около дѣвичьихъ хороводовъ человѣкъ даже по двадцати вмѣстѣ.

«Малые ребята до пятнадцати лѣтъ бѣгали по улицамъ безо всякаго дѣла, а дѣвки безъ юбокъ до двѣнадцати лѣтъ. Маленькимъ дѣвочкамъ, когда были пяти лѣтъ, къ косамъ привязывали мохоръ, вынизанный разнымъ бисеромъ, видомъ треугольника, дабы онъ тягостью своею тянулъ внизъ, а коса бы оттого больше росла. Съ десяти лѣтъ дѣвочекъ обучали прясть

«А невѣсты дѣвушки, когда невѣстились, тогда выносили стулъ на улицу и ставили противъ воротъ, аршина на два отъ строенія, а дѣвушка наряжается, надѣваетъ рубаху тамбурной работы, какая только есть лучшая, съ манжетами; юбку золотой парчи и душегрѣйку парчевую, обложенную позументомъ хорошимъ или газомъ; на головѣ платокъ весь шитый золотомъ; лицо набѣливши и нарумянивши; въ ушахъ серги удѣльныя вѣсомъ съ полфунта; на шеѣ жемчугъ крупный во всю шею, а въ рукахъ платокъ держитъ и сидитъ на стулѣ. А бѣдныя, нѣтъ стула, на скамейкѣ сидѣли, а платья надѣвали шелковыя или ситцевыя. А женихи около нихъ по улицѣ хаживали и такъ себѣ невѣстъ выбирали.

«Около 1790 года, куда на фатеру солдата поставятъ и въ томъ домѣ есть дѣвушка невѣста, то солдатъ хоть пять годовъ стой, ничего не увидитъ: все держали дѣвокъ взаперти, и дѣвки боялись солдата.

«Старухи хаживали въ низенькихъ косыхъ кокошникахъ, парчевыхъ, и шелковыхъ; въ ушахъ серги; рубаха кисейная; охлебенекъ шелковый или китайчатый, обложенный вокругъ кружевами, и съ серебряными пуговицами; на ногахъ ходаки; а въ церковь или въ гости хаживали одѣвши мѣховую шубу, крытую шелковою или китайчатою ма-

теріей. Голову покрывали бѣлымъ кисейнымъ покрываломъ. Въ рукахъ носили палку.

«До 1770 года жившіе у хозяевъ работники и приказчики платы получали въ годъ, ежели пятнадцати лѣтъ, то 1 рубль 50 копѣекъ и 2 рубля; ежели двадцати лѣтъ, то 5 рублей; а главный приказчикъ получалъ 25 рублей въ годъ: дороже не было. Въ тѣ-поры по всѣмъ хозяевамъ книгъ записныхъ долговыхъ не было какъ нынче, а ежели кто у кого дѣлаетъ заборъ, то мѣтили на бирку. А ежели кто долго не станетъ платить долгу, то кредиторъ приходитъ къ должнику и говоритъ: «Отдашь ты мнѣ долгъ или нѣтъ? А то срѣжу», — то есть, что за нимъ замѣчено на биркѣ. Тогда должникъ повергается на землю, кланяется въ ноги и говоритъ: «Пожалуйста, не срѣзывай; я деньги отдамъ». А ежели не отдастъ, тогда приходитъ какой либо праздникъ или воскресный день, и кредиторъ и должникъ приходятъ къ обѣднѣ. Тамъ кредиторъ при всемъ народѣ снимаетъ съ головы должника шляпу, и тотъ уже остается самымъ негоднымъ человѣкомъ въ городѣ.*

«До 1810 года, въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенья, было обыкновеніе, ежели кто изъ жителей проспитъ утреню, то сосѣди собираются къ нему тихонько и стараются изловить спящаго, особливо на постелѣ, схватятъ и съ великимъ крикомъ ведутъ хотя и въ одной рубахѣ, разумши, прямо къ колодцу, и вскупаютъ, — ведеръ пятьдесятъ на него выльютъ. А ежели по близости рѣка, то въ рѣкѣ вскупаютъ при многочисленномъ собраніи народа, для увеселенія.

«Послѣ обѣдни, во всю Свѣтлую Недѣлю, народъ собирался на Воздвиженскую площадь, гдѣ было построено до пятидесяти овощныхъ лавокъ. Дѣвушки ходили артелями, и

* Вѣроятно, срѣзываніе намѣченнаго на биркѣ, уничтоженіе безнадежнаго долга, было только первымъ актомъ этого осрамленія при всемъ народѣ. Стало-быть и употребляемые нынче въ видѣ метафоръ выраженія «срѣзалъ его», «срѣзался», имѣли вовсе не метафорическое, а прямое, буквальное значеніе.

молодцы заводили кулачные бои. У Николы на Песках и у Никиты на Богдановкѣ также было гулянье, только безъ кулачнаго бою. Въ этотъ праздникъ жители хаживали на колокольню, звонить; и женщины и дѣвушки, и малые ребята непремѣнно должны были хоть три раза ударить въ колоколъ, и думали, что ежели кто позвонитъ въ колоколъ, то во весь годъ не будетъ голова болѣть.

«Въ Троицынъ день народъ отправлялся гулять въ Монастырскую рощу, что была на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь казармы стоятъ. Народъ весь изъ города выходилъ, и молодой и старый, кромѣ того, кому остаться для дому. Каждая артель несла съ собою коровай. Пріидя въ рощу и погулявши, сядутъ въ кружокъ, разстелютъ настольникъ, поставятъ коровай, вино и пиво, и пьютъ, и пѣсни поютъ, и дѣвки и молодцы по рощѣ артелями гуляютъ, а въ иномъ мѣстѣ дѣвки и бабы хороводы дѣлаютъ, и поютъ и скачутъ. Тутъ же въ лѣсу поставятъ до пяти временныхъ кабаковъ, а въ каждомъ кабакѣ вмѣсто рюмокъ и стакановъ приготовлено до пяти-сотъ плошекъ, которыя черный народъ разбираетъ: нальютъ вина или пива, возьмутъ и пойдутъ въ кружокъ, и пьютъ, и поютъ, и хохочутъ и ногами топочутъ. А въ иномъ мѣстѣ комедіаны комедіи на веревкахъ и на разныхъ штукахъ представляютъ.

«На Петровъ день было гулянье возлѣ верхней мельницы. Тутъ были и качели веревчатыя и круговыя, и стояли шалаши съ фруктами, и продолжалось это гулянье два дня.

«А перваго августа было обыкновеніе воду святить и весь почти народъ въ рубашкахъ купался, даже младенцевъ, и тѣхъ всѣхъ перекупаютъ.

«Перваго сентября мухъ и блохъ живыхъ хоронили.

«О Сырной недѣлѣ, и еще недѣли за двѣ, начнутъ собираться шайки гулякъ, и составляютъ обозы. Около саней сдѣлаютъ подобіе занавѣсокъ кругомъ изъ рогожъ; запрягутъ тройку лошадей и садятся въ сани человѣкъ по десяти и по пятнадцати пѣсенниковъ, и поѣдутъ по городу кататься, крича во все горло пѣсни, иные и съ тарелками. А еже-

ля гдѣ въ улицѣ обозъ на обозъ наѣдетъ, то часто и дрались. Въ 1806 году орловскій мѣщанинъ Сергѣй Сергѣевъ Пирожковъ собралъ къ себѣ отважныхъ такихъ людей гулякъ недѣли за двѣ до Масляницы; убрали обозъ, а именно лучшую телѣгу на верху вмѣсто рогожъ обвѣшали голубою тафтой, а грядки, и правилы, оглобли и плеп всѣ были обернуты разноцвѣтными бумажками, а на головахъ всѣхъ трехъ лошадей были хохлы на подобіе золотыхъ. На шляпахъ были у всѣхъ широкія ленты, а всѣхъ въ телѣгѣ было человѣкъ пятнадцать пѣсенниковъ, и съ тарелками.

«Въ 1779 году, января 10, въ городѣ Орлѣ было открытіе губерніи и большое торжество. На рѣкѣ Окѣ, отъ новаго мосту повыше, сажень на сто, на льду былъ сдѣланъ родъ амвона, возвышенное мѣсто. На немъ стоялъ быкъ съ золотыми рогами, вмѣсто мяса подъ кожей весь начиненный жареными поросятами, гусями, индѣйками и курями и опять зашитый. Въ церквѣ Покрова Пресвятыя Богородицы отслужили обѣдню при многомъ стеченіи народу, а по окончаніи обѣдни отправились всѣ на ледъ, и первый губернаторъ, Александръ Васильевичъ Гревсъ, отдалъ приказъ выстрѣлить залпомъ изъ шести орудій, которыя стояли на лѣвомъ берегу рѣки Оки, гдѣ теперь у мясныхъ рядовъ переулокъ,- и тогда пошелъ по всему городу колокольный звонъ, и стали кричать ура, и принялись за быка: всякой желалъ оторвать быку голову, а кто оторветъ быку голову, тому сулили 25 рублей. Тутъ являлись разные силачи попеременно, и наконецъ оторвалъ быку голову орловскій мѣщанинъ Василій Федорычъ Чепуринъ. А по оторваніи головы, сорвали съ быка кожу и расхватали дичь всю, и начали пить вино, ябо тутъ на этотъ случай были разставлены подрѣзы. Это гулянье продолжалось до глубокой ночи.

«Въ старой полиціи служителей мало было; по будкамъ на часахъ по ночамъ по большей части стояли жители, поочередно; буде мужчины нѣтъ, то женщины; ежели женщины нѣтъ или недосужно, то сынъ; ежели сына нѣтъ, то дочь хотя и невѣста: всѣ хаживали караулить по будкамъ.

«Пожарной команды и инструментовъ не было; жители сами пожары тушили. Изъ каждой харчевни лошадь съ бочкою выѣзжала. Жители всѣ также шли, кто съ багромъ, кто съ топоромъ, кто съ помеломъ, кто съ ведромъ: такъ кому съ чѣмъ быть, то у того на воротахъ и была прибита досчечка съ изображеніемъ, какъ нынче по всѣмъ деревнямъ есть. А если случится пожаръ, и кто изъ жителей не былъ со своимъ инструментомъ, съ того брали пеня по пятидесяти копѣекъ.

«Въ 1821 году, 1 іюня, поступилъ къ намъ губернаторомъ незабвенный благодѣтель нашъ Николай Ивановичъ Шрейдеръ. Взявшись за управленіе какъ настоящій хозяинъ, онъ пекся о городѣ Орлѣ и жителяхъ, все равно, какъ отецъ о своихъ дѣтяхъ. Въ началѣ издалъ онъ афишки по всему городу за подписомъ полиціймейстера Егора Борисовича Самсонова, человѣка остраго разума и поведенія смирнаго, и расторопнаго во всѣхъ дѣлахъ. Афишки были слѣдующаго содержанія: первое, чтобы въ домахъ на улицу, кольми паче на большихъ улицахъ, стеколъ разбитыхъ не было, и бумагою заклеенныхъ; второе, чтобы трубы всѣ были починены и выбѣлены, а то много худыхъ было прежде; третье, чтобы бревенъ, и досокъ, и кирпичей насупротивъ домовъ и улицамъ не было, а прежде этого лѣсу и камней накладутъ, бывало, такъ-что съ трудомъ можно пройтить, не то чтобы проѣхать: четвертое, въ лѣтнее время чтобы на каждомъ дворѣ была кадушка съ водой, для пожарнаго случая; пятое, чтобы по улицамъ коровъ и свиней отнюдь не пускали, а прежде, бывало, свиньи всѣ канавы въ городѣ изроютъ. Такъ и обо всемъ прочемъ и полиція и всѣ жители, чтобъ знали, что слѣдуетъ дѣлать. Съ тѣхъ поръ у насъ и мостовыя помостили, и тротуары подѣлали, и тесомъ дома пообшили и повыкрасили, и всякой теперь на свой же домъ не надивится.

«Въ 1837 году, 18 августа, въ 7 часовъ вечера прибылъ къ намъ въ городъ Орелъ проѣздомъ въ путешествіи своемъ по Россіи Наслѣдникъ престола, Великій Князь Алек-

сандръ Николаевичъ и изволилъ остановиться въ домѣ гражданскаго губернатора. На другой день Великій Князь отправился въ Борисоглѣбскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ епископомъ Никодимомъ со всѣмъ духовенствомъ, при многочисленномъ стеченіи народа и при крикахъ ура. По выслушаніи молебствія Его Высочество изволилъ отправиться изъ собора на закладку кадетскаго корпуса Бахтина, подъ который былъ купленъ Бахтинымъ домъ у графа Сергѣя Михайловича Каменскаго; а потомъ Великій Князь изволилъ дѣлать смотръ войску, двумъ полкамъ уланъ и двумъ полкамъ гусаръ; также изволилъ осматривать выставку разныхъ издѣлій и растеній, и благородный пансіонъ, и всѣ заведенія, а во дворцѣ принималъ чиновъ. Ввечеру былъ данъ дворянствомъ балъ и Его Высочество изволилъ быть на балѣ, а на другой день, 20 числа, изволилъ отправиться по тракту на Курскъ, оставивъ 5000 рублей для раздачи бѣднымъ города Орла. А какъ до его пріѣзду на Сухой Орлицѣ выгорѣла слобода, 36 дворовъ, то Государь Наслѣдникъ этимъ погорѣлымъ изволилъ пожаловать 2000 рублей.»

—

Мы извлекли изъ записокъ почтеннаго орловскаго старожила все, что годилось въ печать, и жалѣемъ только, что онъ велъ ихъ слишкомъ отрывчато. Однако жъ мы надѣемся, что его примѣръ по крайней мѣрѣ будетъ полезенъ и заставитъ другихъ, помнящихъ былое на родинѣ, сохранить его въ подобномъ простосердечномъ и правдивомъ разсказѣ для новыхъ поколѣній, жаждущихъ знакомства со своимъ отечествомъ.

